

СУД КАК СУБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ (ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ “КРУГЛОГО СТОЛА”)

24 апреля 2013 г. во Владимире на базе Юридического института ФГБОУ ВПО “Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых” совместно с Саратовским филиалом Института государства и права РАН, журналами “Государство и право” РАН и “Правовая политика и правовая жизнь” был проведен “круглый стол” на тему “Суд как субъект правовой политики”.

Традиционно вопросы, обсуждаемые на “круглом столе”, посвященные правовой политике как одному из наиболее актуальных и перспективных направлений юридических исследований, привлекли внимание широкого круга участников как научной, так и практической сферы деятельности.

В его работе приняли участие ученые, преподаватели юридических вузов и факультетов, практики Саратова, Самары, Сибирского федерального университета, Поволжского юридического института, Астрахани, Пензы, Северокавказского (г. Махачкала) филиала ГОУ ВПО “Российская правовая академия” Министерства юстиции РФ, Ростова-на-Дону, Владимира.

С приветственным словом к участникам “круглого стола” обратился директор Юридического института ФГБОУ ВПО “Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых” В.Ю. Картухин, который отметил важность обсуждаемой проблематики, подчеркнул значимость научного собрания для университета, региона и государства, пожелал успехов участникам.

Далее с приветственным словом выступил директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, главный редактор журнала “Правовая политика и правовая жизнь” А.В. Малько.

После этого А.В. Малько представил доклад на тему “О единой судебной политике в современной России”¹, где подчеркнул, что среди важнейших проблем, стоящих на пути прогрессивного развития российской судебной системы, все больше заявляют о себе отсутствие единой судебной практики, “разрозненность” судебной власти, ее специфическое и далеко не всегда обоснованное “разделение”. Это не позволяет правосудию стать полноценным, не повышает степень доверия к нему, не способствует формированию и проведению единой судебной политики.

Настоящая модернизация судебной системы связана прежде всего с переустройством судебных органов, что должно отвечать современным требованиям развития российского общества. В стратегическом плане было бы верным объединение “трех ветвей” судебной власти – конституционной, арбитражной и общей юрисдикции – в одну, которую олицетворял бы Верховный Суд РФ. Конституционное,

арбитражное и иные виды правосудия вполне могут функционировать в рамках коллегий (палат) данного высшего судебного органа.

Что это даст личности, обществу и государству?

Во-первых, наконец-то будет реальный шанс воплотить в судебно-правовую жизнь единую судебную практику и единую судебную политику. *Во-вторых*, в условиях слабого доверия к судебной власти со стороны общества и невысокой в целом эффективности различных судебных органов важно объединить их усилия для более полной защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов иных субъектов права. *В-третьих*, это позволит создать, с одной стороны, более простую и компактную, а с другой – более четкую и иерархическую совокупность судебных структур, которую с полным правом можно назвать судебной системой, элементы которой между собой будут действительно взаимосвязаны. Сейчас у нас фактически три условные “судебные системы”, которые системами в полном смысле слова не являются, действуют зачастую “сами по себе”. Более того, подчас проявляется и определенная нездоровая конкуренция между ними, ведется борьба за сферы влияния, за более важный статус, за те или иные привилегии и т.д., что не способствует судебно-правовому прогрессу, а в большей мере сдерживает его. *В-четвертых*, подобное слияние создаст благоприятные условия для полноценного судебного федерализма, усилив тем самым правосудный ресурс в регионах, что будет соответствовать ст. 1 Конституции РФ, согласно которой Россия – федеративное государство. В частности, в результате названных изменений можно будет организовать конституционное правосудие не только на федеральном, но и на региональном уровне, чему сейчас активно противодействуют власти ряда субъектов РФ. *В-пятых*, не последнюю роль в подобной реконструкции судебной власти играют проблемы специализации и финансовых затрат.

Разумеется, такие преобразования в судебной сфере будут связаны с соответствующими изменениями не только в текущем законодательстве, но и в Конституции РФ. Однако это стоит того, если действительно есть желание сделать судебную власть результативной, реально и качественно защищающей интересы личности, общества и государства.

Профессор кафедры теории государства и права Юридического института ФГБОУ ВПО “Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых”, доктор юрид. наук А.В. Аверин выступил с докладом “Соотношение правосудия и судопроизводства как критерий качества правовой политики”, в котором утверждал, что судопроизводство и правосудие – не тождественные понятия. Судопроизводство может быть как правосудным, так и несправедливым. Фундаментом судопроизводства является процедура, основой правосудия – право. При судебном разбирательстве сосуществуют объективный и субъективный факторы, любой из которых полностью исключить невозможно. Соотношение этих факторов может служить одним из критериев оценки правосудности судопроизводства.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта “Судебная политика в современной России” (проект № 11–03–00349а).

Правосудие предполагает доминирование объективного фактора, каковым является право, над субъективным. Доминирование субъективного фактора в процессе судебного разбирательства (свободное судебское усмотрение, предвзятость, произвол и т.п.) – благодатная почва неправосудного судопроизводства.

Смысл любого судебного разбирательства сводится к правовому осмыслению фактической основы дела (человеческих отношений). Фактическая основа дела может быть установлена судом лишь на основании, в соответствии и в порядке процессуально-правовой регламентации. Формализация судебного процесса является одной из предпосылок правосудия, но сама по себе не может гарантировать доминирование объективного фактора над субъективным. На любой стадии судебного процесса, предполагающей или допускающей оценочные судебные суждения, существует потенциальная угроза правосудию.

Стержнем судебного разбирательства является оценка доказательств. Исторически сложившиеся противоположные способы судебной оценки доказательств получили доктринальное обоснование в двух теориях: свободного судебного усмотрения и теории формальных доказательств. Критерием разграничения этих двух противоположных способов судебной оценки доказательств является степень свободы воли судьи в формировании промежуточных или окончательных выводов по делу. Жёсткая правовая регламентация процесса формирования выводов по делу способствует ограничению субъективизма судьи и созданию условий осуществления правосудия. Под жёсткой правовой регламентацией указанной стороны судебного процесса следует понимать наличие таких процессуальных правил, следование которым гарантирует получение предсказуемого правового умозаключения. Одним из проявлений, характеризующих принцип предсказуемости правосудия, является единообразие судебной практики.

Предсказуемость судопроизводства и предсказуемость правосудия – не тождественные понятия. Например, при обвинительной деформации профессионального сознания правоприменителя (что характерно в основном для тоталитарных, полицейских, антидемократических государств со слабо развитыми общественными институтами) предсказуемость судопроизводства очевидна, тогда как правосудие является непредсказуемым. В таких условиях правосудный судебный акт появляется скорее не благодаря статус-кво, а вопреки ему, как результат благоприятного стечения обстоятельств, а не как закономерный итог судопроизводства.

Таким образом, по утверждению А.В. Аверина, судебное правоприменение является лакмусовой бумагой государственной правовой политики, с помощью которой проявляются истинные начертания её смысла и значения.

Председатель Пензенского районного суда Пензенской области, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета, доктор юрид. наук П.А. Гук выступил с докладом *“Судебное формирование правовой политики”*, в котором размышлял о роли суда в процессе формирования правовой политики.

В Конституции РФ закреплено, что государственная власть осуществляется законодательными, исполнительными и судебными органами, которые самостоятельны в своей деятельности. Особое место в механизме правового регулирования отводится судебной власти, которая осуществляет свои функции через систему судов.

К сожалению, в юридической литературе отсутствует единая позиция о формировании правовой политики судебными органами, что, в свою очередь, порождает множественность мнений, споров по данной проблематике и ведет к игнорированию истинной сущности судебных органов и их роли в формировании и реализации правовой политики.

Основу судебной власти составляют суды всех уровней, органы судебного сообщества, органы судебного департамента, дисциплинарное судебное присутствие, которые в силу своих полномочий формируют предложения по совершенствованию и эффективной деятельности судебной власти в рамках общей правовой политики.

В проекте концепции правовой политики Российской Федерации в качестве субъектов её формирования и реализации определены высшие и иные органы судебной власти. Высшие судебные инстанции (Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ) в пределах предоставленных им полномочий осуществляют формирование и реализацию правовой политики. Не остаются в стороне от этой деятельности суды общей юрисдикции, арбитражные и конституционные (уставные) суды субъектов России, а также высшие органы судебного сообщества. Формирование правовой политики органами судебной власти осуществляется посредством выработки судебной политики, которая включается в общую правовую политику, создаваемую уполномоченными субъектами.

В этой связи формирование правовой политики осуществляется как самостоятельно органами судебной власти, так и совместно с законодательными и исполнительными органами.

Судебные органы в структуре правовой системы в силу закона разрешают споры о праве, устанавливают юридические факты, осуществляют нормоконтроль, дают толкование нормативным актам, вырабатывают правовые позиции, обязательные для правоприменителя, используют право законодательной инициативы. Органы судебного сообщества формируют основные положения судебной политики, разрабатывают актуальные вопросы перспективного развития судебной системы, которые непосредственно затрагивают смежные системы органов власти, что, в свою очередь, позволяет выработать единые подходы совершенствования судебной системы и формирования единой правовой политики в данной сфере.

Для реализации правовой политики в судебной системе необходимы укрепление судебной власти в государственном механизме и оптимизация объема ее полномочий; установление нормативов финансирования судебной системы; развитие правового статуса судей и повышение уровня их правового сознания; обязательное включение для кандидатов в судьи установленной системы профессиональной подготовки; юридическое признание правовых позиций высших судебных органов в качестве источника права; законодательное закрепление административного судопроизводства; повышение уровня исполнения судебных актов.

Заведующий кафедрой Пензенского государственного университета, канд. юрид. наук, доц., заслуженный юрист РФ В.А. Терехин, поддержав высказанное положение о том, что современный суд является полноценным субъектом правовой политики, *провел общетеоретический анализ понятий “судебная политика” и “политизированность судей”*. Он отметил, что когда речь заходит о политике, то на первый взгляд складывается впечатление, что она не приемлема ни для судов, ни для носителей судебной власти, поскольку они

в силу своего юридического статуса должны быть вне всякой политики. Действующее отечественное законодательство и нормы судейской этики, а также международно-правовые стандарты запрещают им заниматься политической деятельностью, обязывают их во всех случаях сохранять политически нейтральную позицию.

В то же время многие авторы, исследуя организацию и деятельность судебной власти, зачастую обращаются к анализу такого ее аспекта, как политика. При этом исследователи отмечают политическую природу органов правосудия и констатируют выполнение ими политической функции. Кроме того, они предлагают сформировать Концепцию судебной политики.

Подобные разночтения и разные позиции, по мнению В.А. Терехина, обусловлены неоднозначной трактовкой термина “политика”. В одном случае она понимается как управление и руководство делами общества, а в другом – как борьба за власть и ее удержание, участие в политических партиях и общественных объединениях, проводимых ими акциях и других подобных мероприятиях.

В этой связи возникла проблема соотношения понятий судебной политики и политизированности судей. В самом общем виде политизированность носителей судебной власти – это их политическая ангажированность и пристрастия при принятии решений, политическая пропаганда и агитация, членство и поддержка политических партий и других общественных объединений, а также иные действия служителей Фемиды по обеспечению интересов определенных субъектов, целью которых являются организация и участие в мероприятиях политического характера.

Подобная деятельность носит исключительно негативный характер, дискредитирует органы судебной власти и ничего общего с судебной политикой, основанной на праве и правовой политике, не имеет.

В.А. Терехин обосновал необходимость формирования и реализации официальной Концепции судебной политики до 2020 г., которая стала бы политико-юридическим, идеологическим и нравственным фундаментом перспективного переустройства всех аспектов судебной деятельности, стратегией и тактикой укрепления органов судебной власти и повышения эффективности правовой защиты личности, общества и государства.

Заведующая кафедрой “Государственно-правовые дисциплины” Института управления, бизнеса и права (г. Ростов-на-Дону), доктор юрид. наук, проф. Н.В. Мамитова посвятила свое выступление *основным проблемам правовой экспертизы российского законодательства, в частности деятельности органов прокуратуры РФ как субъекта, уполномоченного проводить антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов.*

В связи с этим выявлены проблемы деятельности этого органа и предложены решения некоторых проблемных вопросов правового регулирования проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов).

Одной из проблем, связанных с деятельностью прокуратуры в области антикоррупционной экспертизы, стала обязательность исполнения требования прокурора о внесении изменения в нормативный правовой акт в связи с выявленными в нем коррупционными факторами. Данная проблема лежит в русле общей проблемы – необязательности исполнения заключений антикоррупционных экспертов, в том числе и общественных.

Следует отметить, что у прокурора отсутствует возможность реализации права на обращение в суд с целью исключения из нормативных правовых актов коррупционных факторов. Это связано с отсутствием или коллизийностью норм, приводящих в действие процессуальный механизм в этой правовой сфере.

Вопросы, связанные с антикоррупционной экспертизой как частью общей проблемы борьбы с коррупцией в России, должны стать предметом особого, углубленного анализа как теоретиков, так и практиков. Их решение позволит достигать цели и решать задачи, стоящие перед Российским государством при осуществлении им правотворческой, антикоррупционной политики – в частности и правовой политики – в целом.

Доцент кафедры теории государства и права и политологии Пензенского государственного университета, канд. юрид. наук С.Ю. Суменков в своем выступлении *“Высшие судебные органы как создатели исключений из правил”* обратил внимание на нормотворческую функцию главных судейских инстанций и на ее роль в правовой политике. Автор, являясь стойким приверженцем судейского нормотворчества, поставил вполне резонный вопрос о рациональности и обоснованности отрицания права судебной власти, по крайней мере ее высших органов, издавать акты, содержащие юридические нормы. Подобное особенно непонятно в контексте бесспорного признания правотворческой деятельности исполнительных органов власти, органов местного самоуправления и локального правотворчества.

Судебная власть – огромный и разноплановый феномен, который при реализации своей основной функции – отправления правосудия – параллельно (и даже более того – для надлежащего и эффективного осуществления своей магистральной деятельности) выполняет еще целый ряд функций. Среди последних весьма специфическое значение имеет нормотворческая функция. Результатом нормотворческой функции судебной власти выступает *создание правовой нормы*. Думается, именно из таких норм и должно состоять судейское право, идея о котором получает все большее распространение. Судейская норма может содержать как единые, общие правила, так и исключения из них. Исключение в праве – категория неординарная, обладающая сложной природой и неоднолинейным характером.

Суть исключения в том, что оно санкционирует в некоторых ситуациях или (и) для отдельных лиц отличающиеся от правила вариации поведения. Исключение детерминирует дополнение в правило либо изъятие из него и появление легальной альтернативы последнему. Средством исключений обеспечиваются требуемая гибкость и дифференцированность правового регулирования. В совокупности правило и исключение представляют собой нормативный комплекс, позволяющий достигать максимальной полноты и эффективности выполнения правом своих функций.

В ходе судебной деятельности судья знакомится с целым спектром индивидуальных и уникальных обстоятельств, разнообразие которых иногда объективно не допускает абсолютно определенного регулирования правового спора.

Конечно, в большинстве случаев судебные органы принимают исключения, уже установленные в законодательстве, либо толкуют их. Однако высшие судебные органы помимо толкования создают исключения из правил. В качестве примера автор привел целый ряд судебных актов, в которых нормативно закреплены исключения из правил, в том числе установленных нормативными актами.

Появление подобных исключений детерминировано пробельностью действующего законодательства, его несовершенством, а также тем, что именно судебные органы в процессе осуществления своих функций сталкиваются с огромным разнообразием жизненных ситуаций, которые, тем не менее, нуждаются в урегулировании.

С.Ю. Суменков обратил внимание на возможность высших судебных органов создавать исключения из правил, что свидетельствует о повышении роли судебной системы в целом. В то же время ученый считает, что судебные акты, устанавливающие исключения, должны быть редкостью, являться действительно “исключительным случаем”, ибо судебная власть не должна и не может подменять собой власть законодательную.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского государственного университета, канд. юрид. наук В.В. Мамчун в своем выступлении отметил, что *риск – неустраняемый компонент правовой политики*. Он может выступать в виде различных неблагоприятных последствий для субъектов права, являющихся следствием принимаемых решений, а также в виде влекущих такие последствия ситуаций неопределенности в юридической деятельности.

Суд, будучи субъектом правовой политики, одновременно является и носителем присущих ей рисков. Эти риски многообразны и разноплановы. Они различаются детерминацией, источниками, носителями, масштабом, степенью и характером последствий, возможностью управления ими. Другими словами, приходится иметь дело с целой системой взаимосвязанных рисков, вызывающей потребность введения в деятельность судов анализа, ранжирования и воздействия на факторы риска с целью управления им.

Ряд рисков в деятельности суда связан непосредственно с принимаемыми им решениями по юридическим делам, практикой применения мер пресечения, назначения уголовного наказания, решения гражданско-правовых споров и т.д. Их можно охарактеризовать как субъективные по природе и активные с точки зрения возможности управления ими.

Однако основная масса рисков привносится в судебную деятельность извне и связана с качеством нормативно-правовой регламентации. Рисковые решения, будучи формально законными, не способны обеспечить правовые интересы конкретной личности, потребности общества в правосудии и в реализации идеи права. В данном случае суд выступает субъектом пассивного риска, так как его возможности воздействия на обуславливающие риск факторы существенно ограничены.

С учетом этого основной задачей в устранении рискованных факторов в деятельности суда видятся повышение качества законодательства, придание ему стабильности и обеспечение его социальной адекватности. Для этого необходимо внедрение комплексной рискологической экспертизы, предусматривающей анализ не только коррупционных и экономических, но в первую очередь социальных, политических, внутрисистемных и других рисков.

Для проведения такого рода экспертизы целесообразно привлечение в качестве независимых экспертов в том числе представителей судейского сообщества.

Доцент кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО “Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых”, канд. юрид. наук Д.В. Орлов затронул тему, связанную с некоторыми проблемными вопросами судебной

практики, вытекающими из судебной оценки провокации преступления. По его мнению, на современном этапе развития Российской Федерации с учётом процессов интеграции и глобализации, затрагивающих различные страны и континенты, одной из фундаментальных проблем общественного развития является задача формирования и соблюдения основных прав и свобод человека и гражданина. В этом ключе проблема уголовно-правовой регламентации провокации преступления, связанная с криминальной оценкой действий любого субъекта права, провоцирующего другое лицо на совершение преступления (во избежание произвольного применения правовых предписаний), должна находить своё разрешение посредством точного уяснения социально-правовой природы данного явления.

Влияние на национальное уголовное право положений ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, устанавливающих особые требования к справедливому судебному разбирательству, вместе с решениями Европейского Суда (“Ваньян против Российской Федерации”, “Банникова против Российской Федерации”, “Веселов и другие заявители против Российской Федерации”) четко обозначили данную проблему как системную, требующую со стороны государства оперативного формирования качественного правового механизма по её разрешению. Отсутствие в УК РФ норм, предусматривающих ответственность за провокацию преступления, а также норм, дополняющих перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния в связи с допущенной провокацией со стороны специальных субъектов, является фактором, существенно влияющим и на качество судебного правоприменения.

В первую очередь существует необходимость разработки критериев общей уголовно-правовой оценки провокации преступления, способов её совершения и установления перечня специальных субъектов провокации.

В настоящее время в связи с отсутствием уголовно-правовой регламентации этого пласта общественных отношений в России, а также ввиду явного дефицита научно-теоретических разработок указанной проблемы в судебной практике проявляются, как минимум, четыре разных подхода, касающихся юридико-правовой оценки последствий провокации преступления.

Такое положение вещей не только отрицательно сказывается на эффективности частной и общей превенции в уголовном праве, но и свидетельствует о системном нарушении правоприменительной практикой государства ряда межотраслевых принципов права: правовой определенности, равенства граждан перед законом, справедливости и др.

Судья Владимирского областного суда, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВЮИ УФСИН России, канд. юрид. наук А.Е. Бочкарев в своём выступлении рассмотрел *проблему механизма обеспечения единства судебной практики*. По его мнению, судебная практика выступает одной из важнейших составляющих правоприменительной формы правовой политики. Единство судебной практики напрямую влияет как на социальную, так и на правовую стабильность в обществе. Имеется немало споров относительно признания судебных актов источниками права, об их нормативном характере. При этом все без исключения ученые и практики сходятся во мнении о необходимости обеспечения единства в судебном правоприменении.

Проиллюстрировать актуальность выработки механизма обеспечения единства судебной практики можно на издавна известном, но показательном примере.

До 3 апреля 2008 г. постановление Пленума Верховного Суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” от 27 января 1999 г. содержало разъяснение о том, что по п. “а” ч. 2 ст. 105 УК РФ следует квалифицировать убийство двух или более лиц, если действия виновного охватывались единым умыслом и были совершены, как правило, одновременно. По факту после исключения в 2003 г. из УК РФ института “неоднократности преступлений” в судах всех уровней сложилась практика квалификации по указанному пункту статьи убийств, совершенных как одновременно, так и в разное время, независимо от наличия единого умысла, что прямо противоречило постановлению Пленума². Таким образом, на настоящий момент даже утверждение постановлением Пленума разъяснений по вопросам судебной практики не гарантирует однообразного применения законов судами.

Для обеспечения единства судебной практики выступавший предложил вести работу в следующих направлениях:

1) установить требования об обязательном указании в описательно-мотивировочной части судебного акта мотивов принятия решения вопреки сложившейся судебной практике вышестоящего суда (или даже равного), на которую ссылаются участники процесса (такие мотивы могут быть различными, например иные обстоятельства дела, изменение судебной практики вышестоящим судом и т.п.);

2) определить формы выражения судебной практики высших судов, которые будут обязательны для применения нижестоящими инстанциями и судами (в этот перечень, безусловно, можно включить постановление Пленума и Президиума высших судов, а также обзоры судебной практики, информационные письма и т.п., утвержденные Президиумом суда);

3) уточнить судебные инстанции, которые вправе менять судебную практику с учетом иерархии (учесть, что кроме Президиума и Пленума высших судов иные органы и инстанции не вправе изменить судебную практику своего же уровня);

4) ввести механизм обращения суда, рассматривающего конкретный спор, в соответствующую инстанцию для решения вопроса об изменении судебной практики, если такая необходимость выявилась в ходе разрешения дела (формой ответа на такое обращение может быть разъяснение или информационное письмо, утвержденные Президиумом Суда).

Перечисленные предложения на настоящий момент скорее можно рассматривать как поводы для обсуждения. Каждое из них требует детального исследования.

Заместитель директора Института права Самарского государственного экономического университета, канд. юрид. наук, доц. В.А. Пономаренков посвятил свое выступление *социально-факторной обусловленности судебной оценки доказательств*. Он, в частности, подчеркнул, что оценка доказательств представляет собой мыслительно-логическую деятельность суда как субъекта доказывания по оперированию совокупностью доказательств с целью установления истинности полученных знаний о части или обо всем исследуемом событии, где такие психические процессы, как восприятие, внимание, мышление, память и др., выступают важнейшими компонентами деятельности по оценке доказательств в судебном процессе.

При оценке доказательств суд должен учитывать этнокультурные и этнопсихологические, конфессиональные и другие особенности делинквентного поведения лиц, в отношении которых осуществляется судебный процесс, чье поведение обусловлено подчас бессознательно-стереотипными действиями субъекта, а также сохранением различных этнических, религиозных и других традиций и обычаев в повседневной жизни общества и конкретного субъекта. В конечном счете учет социально-факторных особенностей совершенных деяний при осуществлении оценки имеющихся в деле доказательств может повлиять на окончательные выводы по делу.

При оценке доказательств опасность представляют негативные (отрицательные) стереотипы, в основе которых лежат предвзятое мнение, необъективное отношение к людям другой социальной (этнической, конфессиональной и др.) группы. Отрицательное воздействие таких стереотипов на способность человека правильно понимать других людей, объективно оценивать их поступки приводит к необоснованному обвинительному или оправдательному уклону, игнорированию презумпции невиновности или же прав потерпевшего, ошибочному выводу по вопросам виновности и др.

Поэтому необходимо законодательно закрепить отстранение присяжных от разбирательства преступлений на национальной почве, а вместо них ввести институт “судей со специальной подготовкой”, что позволит нивелировать влияние гетеростереотипов на формирование внутреннего убеждения судей.

Игнорирование социально-культурных (этнических, религиозных, языковых и др.) особенностей личности субъектов процессуальной деятельности нарушает право представителя малочисленной этнической, религиозной общности на защиту, что является существенным нарушением процессуального закона и влечет отмену принятого решения.

В оценке доказательств судом должны участвовать специалисты конкретной области знания. Применительно к данному случаю – этнолог, этнопсихолог, этнолог (социобиолог), религиовед и т.д. Это вовсе не означает, что оценка доказательств осуществляется судом под внешним воздействием, ибо он оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств, но нуждающихся в разъяснениях специалиста. Поэтому обращение субъекта доказывания за помощью к специалисту никоим образом не нарушает требования свободы оценки доказательств, предусмотренного процессуальным законодательством.

Судья Владимирского областного суда, канд. юрид. наук П.А. Якушев на примере создания апелляционной инстанции в судах общей юрисдикции областного уровня размышлял о *средствах государственной судебно-правовой политики*. По его утверждению, отсутствие сбалансированной взаимозависимости и взаимосвязи государства и общества выступает основной причиной кризисов в современном мире.

Судебная система, исполняя роль социального арбитра, обеспечивает равновесие государственных, общественных и частных интересов, защищает одновременно все сферы деятельности, регулируемые правом.

Поэтому государственная судебно-правовая политика должна быть взвешенной и последовательной.

Одним из направлений судебно-правовой политики в последние годы являлись создание апелляционных инстанций в судах общей юрисдикции областного уровня.

² Определение Верховного Суда РФ от 23 ноября 2007 г. № 51-О07-80 и другие определения с аналогичным подходом.

К средствам государственной судебно-правовой политики в указанной сфере, в частности, можно отнести:

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г., в котором поставлена задача создания апелляционных инстанций в судах общей юрисдикции, на первом этапе (с 1 января 2012 г.) – для гражданских дел.

2. Федеральная целевая программа “Развитие судебной системы России” на 2007 – 2012 гг., утвержденная постановлением Правительства РФ, предусматривающая необходимость вступления в активную фазу процесса создания апелляционных судов для исключения возможности обжалования решений по гражданским делам суда первой инстанции в кассационном порядке без предварительного апелляционного обжалования (абз. 26 разд. II).

3. Федеральный закон № 353-ФЗ “О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации” от 9 декабря 2010 г., установивший новое правовое регулирование производства в суде апелляционной инстанции.

4. Постановление Конституционного Суда РФ № 29-П “По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Г. Круглова, А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко” от 30 ноября 2012 г.; Определение Конституционного Суда РФ № 1-О “Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Канарского Дениса Игоревича на нарушение его конституционных прав статьями 328 и частью пятой статьи 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации” от 17 января 2013 г.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 13 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции” от 19 июня 2012 г. (далее – Пленум № 13).

К основным направлениям государственной судебно-правовой политики в целях дальнейшего совершенствования апелляционного производства следует отнести:

разработку новой концепции по оптимизации апелляционного производства на основе научных исследований и их практической апробации;

внесение изменений в ГПК РФ (например, предусмотреть возможность направлять дело на новое рассмотрение, если суд первой инстанции рассмотрел дело в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных о времени и месте судебного заседания);

внесение изменений в Пленум № 13 (например, в части разъяснения того, что определение о переходе к рассмотрению дела по правилам полной апелляции принимается только в судебном заседании) и др.

Доцент кафедры теории государства и права Сибирского федерального университета, канд. юрид. наук В.Ю. Панченко обратил внимание на *проблему юридического содействия реализации прав и законных интересов при формировании и осуществлении судебной политики в идеологическом и функциональном аспектах*. Юридическое содействие правомерной деятельности как идеология судебного правоприменения должно быть приоритетом судебной политики и осуществления правосудия не в меньшей мере, чем противодействие правонарушениям. Суды, институционально не являясь субъектами юридического содействия реализации прав и законных интересов, при отправлении

правосудия “содействуют” правомерной активности путем глубокого, содержательного (а не формального) юридико-фактического анализа различных видов деятельности (их целей, мотивов, средств и т.д.), подлежащих судебно-правовой оценке в конкретном деле, и способствуют реальной гарантированности прав посредством судебной практики. В этом плане одним из приоритетов судебной политики видится формирование адекватной судебной практики по вопросам компенсации (в разумных, реально сложившихся на рынке юридических услуг суммах) расходов на профессиональное судебное представительство за счет нарушителей прав, поскольку сегодня многие нарушения остаются безнаказанными потому, что судебная защита затратна, и невозмещается в полном объеме.

В деятельности судов присутствуют направления, которые могут рассматриваться в качестве юридического содействия реализации прав и законных интересов (функциональный аспект): правовое информирование и консультирование граждан при обращении в суд, ведение информационных систем – баз данных судебных актов, разъяснение процессуальных прав и обязанностей участникам процесса, обеспечение иска и др. В числе основных актуальных задач судебной политики в этой области могут быть названы: обеспечение реального исполнения судами общей юрисдикции требований законодательства об информационной доступности судебной практики; стандартизация судебно-правового информирования и консультирования и их регламентация аналогично государственным услугам; введение “презумпции неисполнимости судебного акта” по отдельным категориям дел для повышения эффективности обеспечительных мер.

Профессор кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО “Саратовская государственная юридическая академия”, старший научный сотрудник Саратовского филиала ИГП РАН, доктор юрид. наук С.Ф. Афанасьев, размышляя над проблемой суда как субъекта правовой политики, считает вполне очевидным то обстоятельство, что *для уяснения положения суда как одного из субъектов правовой политики необходимо представлять себе предназначение и имманентное содержание последней*.

К сожалению, в теории права не существует однозначного понимания такого явления, как правовая политика, приводятся разные варианты ее интерпретации. Например, в узком значении правовую политику описывают как политику, основанную на праве³. Однако такая трактовка явно недостаточна для отраслевых наук и конкретного правоприменения. Следовательно, целесообразно обратиться к широкому подходу, в рамках которого правовая политика раскрывается в качестве научно обоснованной, последовательной и системной деятельности государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности⁴.

Из приведенной дефиниции правовой политики следует, что суд не только находится в числе основных субъектов создания и осуществления вове указанного вида государственной политики, но и за счет собственной автономности

³ См.: Матузов Н.И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов – М., 2000. С. 28.

⁴ См.: Малько А.В. Теория правовой политики. М., 2012. С. 42.

и властных полномочий *ex officio* занимается формированием самостоятельной по своей природе судебной политики, обладающей несколькими наиболее важными свойствами. Во-первых, эта политика всегда основана на праве и тесно связана с судебной властью, так как она является особой ветвью государственной власти, без которой невозможна реализация политики, как таковой.

Во-вторых, судебная политика вершится посредством действия специализированных органов власти и их должностных лиц.

В-третьих, в контексте проводимой правовой политики органы судебной власти, не подменяя собой законодателя, имеют своим латентным ориентиром синтез эффективного регулятивного механизма, в рамках которого обязаны опираться на строго определенные юридические средства, пропорциональные цели. Для судебной системы это означает, что деятельность органов судебной власти должна быть тесно сопряжена с системой правовых инструментов, взятых в единстве, посредством которых обеспечивается эффективное воздействие на те или иные правоотношения.

В-четвертых, суд как субъект правовой политики имеет внешние законодательные целевые установки, а также формирует внутренние задачи, например связанные с гарантированием единства судебной практики, а в некоторых случаях – созданием прецедента в результате рассмотрения и разрешения наиболее сложных юридических коллизий.

Доцент Поволжского юридического института (филиала) Российской правовой академии Минюста России, канд. ист. наук, доц. В.А. Затонский в своем выступлении подчеркнул, что *принципиальное значение для обеспечения постоянства (непрерывности) процесса реализации правовой политики имеет наличие конституционных гарантий для судебной власти*. Эффективность правовой политики зависит от ряда факторов, но в наибольшей степени – от эффективности правотворчества, результативности правоприменения (в том числе судебного правоприменения) и уровня правовой культуры субъектов.

Вместе с тем эффективность правосудия является самостоятельным феноменом. В юридической литературе она определяется степенью достижения тех задач, которые перед правосудием поставлены. В законодательстве задачи судопроизводства сформулированы в ст. 2 ГПК РФ, ст. 2 АПК РФ, ст. 6 УПК РФ, ст. 1.2 КоАП РФ. В обобщенном виде таковыми являются: 1) защита нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов личности и других субъектов правоотношений; 2) укрепление законности и предупреждение правонарушений; 3) формирование уважительного отношения к закону и суду. Все указанные задачи имеют прямое, непосредственное отношение к сфере реализации правовой политики.

По каким же критериям (признакам) должна определяться эффективность судебного правоприменения как формы реализации правовой политики? На наш взгляд, для её оценки могут быть использованы следующие основные признаки: 1) доступность правосудия для всех участников правовых отношений; 2) качество рассмотрения дел; 3) оперативность; 4) чёткость исполнения судебных актов.

Правосудие в нашей стране ещё не стало подлинно независимым. Не изжита практика принятия неправосудных решений “по звонку” или “за деньги”, нередко нарушается принцип неотвратимости ответственности применительно к государственным служащим и иным субъектам с особым статусом.

Исходя из сказанного, представляется целесообразным искать выход в сближении правосудия и гражданского общества. Независимое и сильное правосудие, способное и вести жёсткую борьбу с негативной активностью граждан, и бескомпромиссно противостоять негативным проявлениям в деятельности законодательной и исполнительной власти, – это один из устойчивых признаков, характеризующих и правовое государство, и гражданское общество.

Сфера правосудия – это та часть правовой жизни, где наиболее близко соприкасаются, даже сливаются, гражданское общество и государство; в условиях господства права правосудие является единственным институтом, обладающим правомочием на разрешение конфликтов. Оно выступает в качестве посредника между индивидом, обладающим “правом на принуждение” в отношении государства, и государственной властью, обладающей монопольным правом на применение принудительной силы в отношении граждан.

Правосудие в процессе продолжающегося реформирования, оставаясь государственным институтом, должно сближаться с гражданским обществом, перестать быть исключительно “слугой” государства (на деле – чиновничьего аппарата), служить обществу. Эффективное правосудие в равной мере выступает и как институт государства, и как элемент гражданского общества.

Доцент кафедры уголовного права юридического факультета Астраханского государственного университета, канд. соц. наук, докторант, член квалификационной коллегии судей Астраханского областного суда О.Н. Коржиков обратил внимание на тот факт, что *современная наука ещё не выработала определение российской судебной системы*, так как в научной среде идут дискуссии: а) по поводу предложения Президента РФ В.В. Путина о целесообразности объединения Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда РФ; б) суд – правоохранительный орган или судебная власть? Актуальность научного осмысления указанных и иных вопросов, связанных с формированием судебной системы и судов как субъектов правовой политики, определения их роли в реализации объективного правосудия обусловлена рядом обстоятельств.

По мнению выступавшего, пассивность и нерасторопность органов государственной власти в организации деятельности субъектов правовой и правоохранительной политики, нередко сопровождающиеся использованием средств “телепозвоночного права” и показушными процессами с привлечением институтов гражданского общества, – одна из основных (первых) причин, препятствующих судебной реформе в нашей стране. Второй причиной выступает недоверие населения к суду, правоохранительным органам, что во многом обусловлено низкой эффективностью деятельности названных институтов и наличием коррупции в их рядах. Третья причина – половинчатые меры, принятые в контексте судебно-правовой реформы, начавшейся в 1991 г. Важной причиной создавшегося положения является отсутствие чёткой идеологии судебной реформы и последовательности в выстраивании правовой системы России, вследствие чего изменились культура и ментальность субъектов правовой политики. Попытки изменить ситуацию с помощью административного ресурса не дали положительных результатов. Инициативы, направленные на модернизацию судебной системы, недостаточно продуманы и не имеют долгосрочной перспективы.

О.Н. Коржиков считает, что в этой ситуации, опираясь на отечественный исторический и международный опыт, необходимо: а) объединить с Верховным Судом не только

Арбитражный, но и Конституционный Суд России, оставив в составе Верховного Суда одноименные коллегии; 6) внести на утверждение Президенту РФ концепцию правовой политики, с помощью которой можно будет консолидировать деятельность субъектов правовой и правоохранительной политики, других структур по налаживанию эффективного функционирования судебной системы⁵.

Доцент кафедры теории и истории права и государства Астраханского филиала НО ВПО “Международный юридический институт”, канд. юрид. наук П.А. Давыдов отметил, что *судебные органы занимают особое место среди субъектов правовой политики Российской Федерации*. Однако на данный момент в нашей стране судебная власть разделена на три направления: суды общей юрисдикции во главе с Верховным Судом РФ; арбитражные суды, во главе которых стоит Высший Арбитражный Суд; Конституционный Суд РФ.

Подобное разделение на три фактически независимые друг от друга подсистемы привело на данный момент к формированию различной судебной практики по сферам отправления правосудия, а именно: судебная практика рассмотрения гражданских дел в арбитражных судах существенно отличается от судебной практики по схожим категориям дел в судах общей юрисдикции. Если рассматривать деятельность Конституционного Суда РФ, то его деятельность в последние годы становится неэффективной, а это свидетельствует о том, что данный орган также нуждается в модернизации. Такое состояние судебной системы не может способствовать завершению затянувшейся в нашей стране судебной реформы.

Кроме того, это не только подрывает авторитет судебной власти в глазах граждан и организаций, но и дискредитирует принцип законности на всей территории страны. Полагая, что при таких обстоятельствах одной из основных задач судебной реформы является формирование “унифицированной”, единой для всей страны судебной системы. Этого можно добиться объединением трех подсистем на базе, например, судов общей юрисдикции путем создания дополнительных коллегий по рассмотрению отдельных категорий дел.

Следует также отметить, что на данный момент судебная реформа так и не закончена, а вопрос о независимости судебной власти остается актуальным до сих пор. Складывается впечатление, что Россия не заинтересована в формировании судебной власти, ориентированной прежде всего на достижение основной цели юриспруденции и правосудия – на установление объективной истины и восстановление справедливости в результате вынесения судебного акта.

Заведующий кафедрой теории государства и права Северо-Кавказского (г. Махачкала) филиала ГОУ ВПО “Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации”, доц. Б.Б. Сулейманов подчеркнул, что *для осуществления своих функций (прежде всего правосудия) органы судебной власти нуждаются в четких концептуальных ориентирах, системных программных актах*, которые, с одной стороны, характеризуются высоким уровнем теоретических установок, а с другой – возможностью их реализации на практике. Такие моменты может содержать научно обоснованная и реализуемая на практике су-

дебно-правовая политика. В свою очередь, последняя может основываться на положениях правовой политики. Отдельные исследователи (С.С. Алексеев) обоснованно считают правосудие одним из основных приоритетов правовой политики. Это предопределяется многими обстоятельствами, в том числе тем, что правовая политика является основным направлением научного исследования по разработке мер совершенствования правовой системы в целом. Некоторые положения, разработанные в рамках такой политики, стали общепринятыми, и предпринимаются попытки распространить их на отдельные сферы правовой жизни (например, Концепция правовой политики, Концепция правотворческой политики и др.).

Но это вовсе не означает, что выводы, иные разработки правовой политики могут быть механически перенесены на судебно-правовую политику. Более того, крайне отрицательно влияют на теорию судебно-правовой политики нерешенные проблемы правовой политики методологического характера, в частности неопределенность “статуса” правовой науки и ее соотношение с юридической наукой и правом, отсутствие единства в понимании правовой политики (как концепции и как деятельности), соотношения правовой и государственной политик (что из них шире); многочисленные, порой противоречащие друг другу и формальной логике классификации правовой политики и др.

Для создания системной теории судебно-правовой политики крайне важно иметь четкие представления о таких разновидностях правовой политики, как правоохранительная и правозащитная политика. Однако базовые научные положения об указанных видах правовой политики остаются спорными и даже необоснованными. Нуждается в раскрытии соотношение понятий “правоохранительная политика”, “правозащитная политика” и “судная политика”. При этом следует их соотносить не только как понятия, но и как виды деятельности. Очевидно, что отличия и противоречия могут быть не только в формально-логическом, но и в функциональном значении. В частности, при признании правозащитной политики частью правоохранительной обнажаются разные противоречия: в большинстве случаев субъективные права и законные интересы приходится защищать в основном от субъектов правоохранительной деятельности.

Важным моментом теории судебно-правовой политики может выступать исследование различных факторов, влияющих на неё. Прежде всего необходимо высветить те из них, которые носят универсальный характер.

Целесообразно также раскрыть роль и значение судебно-правовой политики в оптимизации судебной власти, в том числе в проведении судебной реформы, которая продолжается более 20 лет.

Материал подготовили:

А.В. Малько, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, главный редактор журнала “Правовая политика и правовая жизнь”;
А.В. Аверин, профессор кафедры теории государства и права Владимирского государственного университета, доктор юрид. наук

⁵ Казахстан, Германия и некоторые другие страны имеют утвержденную главами государств Концепцию правовой политики.